

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. Е. Гусев

У ГУСЛЯРОВ БОСНИИ И ЧЕРНОГОРИИ

В сентябре-октябре 1972 г. я был в научной командировке в Югославию, где собирал материалы по истории песен народно-освободительной борьбы. Меня поразила устойчивость эпической традиции в этой стране, хотя, разумеется, речь идет об отдельных очагах народного песенного творчества, когда-то распространенного еще шире. Во многих местах, где мне привелось побывать (работал я в Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговине, Далмации и Сербии), гуслеры хорошо помнят классические сюжеты, а события героической антифашистской борьбы вдохновили их на создание новых песен-хроник. В настоящих очерках я ограничусь рассказом о нескольких встречах с народными певцами Черногории и Боснии.

Эти две области Югославии издавна славятся на Балканах народным песенным искусством. Черногорию как край, где не иссякает новое эпическое творчество, выделял Вук Караджич, позднее о распространении гуслерского пения в Черногории писал П. А. Ровинский¹. Чешский фольклорист М. Мурко, неоднократно бывавший в Югославии (последний раз в 1932 г.), утверждал, что «в Черногории полнее всего сохраняется патриархальная жизнь, а с ней также и народная эпика»². Своеобразные условия быта населения Боснии, по свидетельству Мурко, способствовали сохранению гуслерского пения и здесь, особенно в горных районах, а отчасти и в городах³. Вместе с тем даже в этих местах Югославии исследователь заметил затухание эпической традиции в период между двумя мировыми войнами. Однако в годы народно-освободительной борьбы (1941—1945 гг.), особенно на освобожденной территории, эпическое творчество получило новые импульсы, наметились новые формы исполнения песен: гуслеры выступали на сборах партизан и бойцов народно-освободительной армии, в некоторых местах проводились состязания гуслеров⁴.

¹ Сусрети с Вуком, Избор и редакција Г. Добрашиновић, Б. Маринковић, Нови Сад, 1964, стр. 242; П. А. Ровинский, Черногория в ее прошлом и настоящем, т. II, ч. I, СПб., 1897, стр. 762, 763.

² М. Мурко, Tragom srpsko-hrvatske narodne epike, Putovanja u godinama 1930—1932, I knjiga, Zagreb, 1951, str. 43.

³ М. Мурко, Указ. раб., стр. 41, 42. Ср. свидетельства Н. Шаулића, относящиеся к пограничии между Черногорией и Боснией области — Герцеговине: «Српске народне pjesme. Из збирки Н. Шаулића», књ. I, св. I, Београд, 1929. Предговор, стр. X—XII.

⁴ См.: В. Драшковић. О савременој народној поезији у области Никши — Жабљак — Плевла. «Српска Академија наука. Зборник радова», књ. IV, «Етнографски

В настоящее время в Черногории и Боснии сосуществуют и взаимодействуют две формы исполнения эпических песен — традиционная, в повседневном, особенно сельском, быту, и эстрадная, широко представленная на многочисленных фестивалях. Радио и телевидение в своих регулярных фольклорных передачах пропагандируют и ту и другую формы. Однострунный смычковый инструмент «гусле» и навыки гусларского пения распространены в самых различных группах населения — не только среди крестьян и пастухов, но и среди городских ремесленников, а также в среде интеллигенции, как сельской, так и городской. И в Черногории и в Боснии функционируют специальные самоуправляющиеся организации,

Рис. 1. Черногорский гуслар Бранко Перович (г. Никшич), занявший первое место на состязании гусларов Югославии

объединяющие исполнителей эпических песен. В Сараеве активно работает созданное в 1962 г. Общество гусларов, носящее имя прославленного певца начала XIX в. Филиппа Вишничича. В 1969 г. в Черногории (г. Никшич) создано общество имени Вука Караджича, насчитывающее 180 членов — гусларов и поэтов. По сообщению председателя Йована Чолаковича, общество дало свыше 150 вечеров, участвовало в международном смотре фольклора в Загребе.

Мне удалось познакомиться с деятельностью Сараевского общества и присутствовать на одной из традиционных встреч его членов. Председатель общества — учитель истории Мирко Добричанин — рассказал мне о структуре и об уставе возглавляемой им организации. Общество объединяет около 1000 человек, причем прием в него ограничен: наряду с профессиональным умением играть на гуслях и исполнять традиционные песни (способность создавать новые песни — желательное, но не обязательное условие) его члены должны обладать определенными гражданскими и моральными качествами, пользоваться уважением в производственных коллективах и в бытовой среде (это отражает те высокие требования, которые по традиции предъявляются гусларам — выразителям народных идеалов). Желающие вступить в общество проходят испытательный срок, в течение которого обязаны несколько раз продемонстрировать свое мастерство; в то же время выявляется общественный облик гуслара.

В общество входят люди разных профессий и возрастов, половину его составляют гуслары, имеющие среднее и высшее образование. Любопытно, что среди членов общества нет ни одной женщины⁵. Ежегодно прово-

институт», кн. I, Београд, 1950, стр. 280; П. Влаховић, Гусларске народне pjesme o nekim događajima iz Narodno-oslobodilačke borbe, Београд, 1955.

⁵ Это, несомненно, является следствием давней традиции, характерной для Боснии, а также Черногории, где, в отличие от Сербии, Хорватии и Адриатики, и в прежнее время женщины, игравшие на гуслях и исполнявшие эпические песни, составляли большую редкость. Так, П. А. Ровинский утверждал, что в Черногории женщины вообще не исполняют, хотя и знают, эпические песни (П. А. Ровинский, Указ. раб., т. II, ч. 1, стр. 767). М. Мурко пишет лишь о нескольких женщинах-гусларах в Черногории, а в Боснии называет только одну женщину «из высших кругов» (М. Мурко, Указ. раб., стр. 190, 194, 202).

дится общее собрание, на котором избирается правление общества из 7—11 человек, кассир и так называемый надзорный одбор, контролирующий всю деятельность общества и правления. Правление выявляет гусяров на территории Боснии и Герцеговины, оказывает нуждающимся материальную помощь, организует выступления гусяров в различных аудиториях Сараева и других городах республики, рекомендует лучших исполнителей для выступлений по радио и телевидению (такие передачи в Сараеве устраиваются регулярно, каждую субботу), организует запись выступлений на магнитофонную ленту, собирает и готовит к изданию новые произведения гусяров. В 1971 г. общество провело первый Всеюгославский фестиваль гусяров, на который съехалось свыше 1100 певцов, но к выступлениям было допущено 160 человек, а фактически выступило 122 гусяра. Эти цифры дают косвенное представление о степени распространенности народно-профессионального эпического пения и о строгости критериев, применяемых правлением общества «Филипп Вишнич». Характерно, что первую премию на фестивале получил черногорский гусяр Бранко Перович, вторую — Раде Ямина из Герцеговины, третью разделили Иован Вукичевич из Боснии и Миодраг Николич из Сербии. Песни победителей записаны на пластинки, которые изданы массовым тиражом (их было нелегко найти в продаже).

Но особенно интересны для фольклориста и этнографа традиционные встречи гусяров, проходящие в виде своеобразного неофициального состязания в мастерстве. Такие встречи приурочены к среде — дню, когда и в старом Сараеве гусяры обычно собирались и выступали по городским кофейням. М. Мурко писал в своей книге: «Недалеко от вокзала, в деревянной „кафане“ в 1931 году каждую среду пели 2—3 певца»⁶. Теперь на смену этому обычаю пришли еженедельные встречи в Обществе гусяров. Я присутствовал на одной из таких встреч в среду 27 сентября. О моем приходе Общество заранее не извещалось; пришел я не к началу собрания (оно всегда назначается на 6 часов вечера), а намеренно несколько позже, когда все шло по заведенному обычаю; никакого официального представления меня собравшимся не было. Я пишу об этом для того, чтобы читателю было ясно, что мои наблюдения отражают не специально подготовленный «показ» для гостя, а обычную, традиционную, «рабочую» встречу.

Помещение, куда я вошел, представляло собой большой зал с голыми стенами, уставленный деревянными столами, за одним из которых сидел председатель Общества с несколькими гусярами. Среди них оказался и мой знакомый — гусяр и поэт, фольклорист-любитель Томо Джукич, который и представил меня сидевшей за этим столом компании. В накуренном зале собралось человек 60. Как мне объяснили, некоторые приехали впервые из окрестных сел. Гусяры сидели небольшими компаниями, по 6—8 человек вокруг столов, курили, заказывали себе кто «ракию» (виноградная водка), кто черный кофе, сок или минеральную воду, вели негромкую беседу. От стола к столу передавали гусли, кто-нибудь брал их в руки и без всякого объяснения, оставаясь на своем месте, запевал песню. Разговор во время пения постепенно стихал, но не за всеми столиками, в зависимости от того, насколько привлекало внимание присутствующих пение. Никто к тишине не призывал. Иногда было очень шумно — это значило, что собравшимся гусярам пение не нравилось. Хороших же певцов все слушали молча. Это, собственно, и было знаком одобрения — никаких выступлений, реплик и даже аплодисментов не полагалось. Однако после каждой песни в течение нескольких минут за столиками оживленно обменивались мнениями, а исполнителю предоставлялось самому судить о восприятии слушателей. Лишь один раз за весь вечер, когда особенно всем понравилось пение одного сараевского студента, исполнившего традиционную эпическую песню о бое черногорцев

⁶ М. Мурко, Указ. раб., стр. 42.

с турками, раздалось несколько возгласов одобрения и хлопков. В такой обстановке трудно выступать, надо обладать и сильным голосом, чтобы перекрыть гул, и смелостью, поскольку собравшиеся слушали не «из вежливости», а, напротив, весьма придирчиво и даже ревниво. Это все были знатоки, на которых угодить было нелегко. Можно было ожидать, что желающих петь будет немного, между тем гусли не залеживались на коленях, а переходили из рук в руки, один певец сменял другого, и никто, даже удачливый студент, не бисировал, песня звучала за песней в течение всего вечера. Сюжеты песен были самыми различными, каждый пел то, что, очевидно, считал для себя самым выигрышным или интересным для слушателей, — и песни о Марке Краевиче и о других героях старых времен, и гайдуцкие песни, и песни о балканских войнах XIX — начала XX в., и так называемые мусульманские эпические песни, и песни из эпохи народно-освободительной борьбы, и песни-хроники о событиях послевоенного времени. Аудитория все время менялась: одни уходили, простившись не со всеми, а только со своей компанией, другие приходили, приветствуя знакомых и окликая девушку, разносившую напитки.

Большую часть собравшихся составляли давние члены общества, петь мог каждый, кто хотел, и в этот вечер выступило несколько старых, хорошо известных в Сараеве гусяров. Члены правления, слушая эти выступления и учитывая реакцию требовательной аудитории, потом уже определили, кого следует рекомендовать для очередной программы по радио или для выступления в рабочих клубах.

В течение всего долгого вечера помещение было заполнено и лишь после 10 часов постепенно опустело, причем никакого официального «закрытия» или подведения итогов встречи не было, хотя выступило и несколько новичков, кандидатов в члены Общества. Как объяснил мне Добричанин, по средам гусяры собираются главным образом для того, чтобы потолковать о своих повседневных делах, попеть самим и послушать других. Представление о новичках складывается у членов общества исподволь, в итоге нескольких таких встреч и неоднократных добровольных выступлений. Одна неудача или успех ничего еще не предрешают, гусяры не торопятся с выводами. Прием в общество осуществляется после того, как будет окончательно выяснено общественное мнение.

Атмосфера этой встречи, чувство собственного достоинства, какое отличало многих гусяров, самый внешний вид их (большинство пришло приодевшись, что было заметно даже по не модным, но опрятным костюмам крестьян) — все это внушает уверенность, что новая форма организации гусяров и исполнения эпических песен не мертворожденная, что она представляет собой органическое развитие некоторых традиций в новых общественных условиях современной Югославии.

Для характеристики эпической традиции в повседневном быту наибольший интерес представляют не столько эстрадные выступления гусяров, репертуар и манера исполнения победителей конкурсов, сколько знакомство с не известными широкой общественности певцами в условиях их обыденной жизни. С несколькими такими гусярами мне также довелось встретиться.

Один из характерных современных гусяров в Черногории — тридцатисемилетний Миловое (Мишо) Милянов Петрович. Он хранитель музея Марко Милянова в горном селе Медун, в 12 км на северо-восток от Титограда. С именем Марко Милянова, воеводы и писателя, связана одна из самых героических страниц в истории освободительной борьбы черногорского народа против турецкого ига — сражение на Фундини (1876). Весной 1972 г. в доме-крепости, когда-то принадлежавшем грозному воеводе, был открыт мемориальный музей. Мы познакомились с Мишо Петровичем во дворе музея. Отсюда открывается широкая панорама суровых безлесных гор с разбросанными по их отрогам белокаменными деревеньками. Под нами лежали развалины древней крепости, а над го-

Рис. 2. Гуслиар Миловое Петровиц (село Медун, Черногория)

лей! Мне не приходилось читать ни о чем подобном в исследованиях о сербско-хорватском эпосе. Мишо Петровиц любил еще в детстве слушать игру на гуслях и пение своего деда, а позже отца и других местных старых гуслиаров. Поет он серьезно, воодушевляясь все больше и больше, от напряжения лицо его краснеет. Вслед за песней о пире у князя Лазаря он исполняет знаменитую трагическую песню о Косовской битве, за ней — о женитьбе князя Лазаря... Я замечаю, что песни Косовского цикла он поет на один напев, впрочем, искусно изменяет темп, выделяя наиболее драматические места, прерывает иногда повествование и продолжает лишь играть на гуслях, как бы подогревая интерес слушателей. Спрашиваю у него, поет ли он вообще все песни на эту мелодию. «Нет, пою на два-три начина», — отвечает он. И сразу же, совсем по-иному, гораздо быстрее, динамичнее, с драматическими интонациями, запевает «Санак снила лијепа српкињ» — песню об одном из самых памятных событий в истории Черногории, о разорении турками Косора и Медуна (события относятся к 1774 г.). Эту песню сам гуслиар объявил так: «Прва поара Кучи» (первое разорение племени Кучи), — и сообщил, что узнал ее не от других певцов, а из книги Марка Милянова. Вернувшись в Титоград, я нашел текст песни в историческом сочинении Марка Милянова «Племя Кучи в народном предании и песне»; там же сам писатель употребляет и выражение «прва поара Кучи»⁷. Песня Петровица — сокращенная редакция текста, опубликованного писателем.

⁷ М. Милянов, Племя Кучи у народној причи и пјесми, «Сабрана дјела», т. 3, Титоград, 1967, стр. 189—209. Племя Кучи — одно из тех черногорских племен, которые дольше всего сохраняли свою независимость как в отношении Османской империи, так и по отношению к государственной власти в самой Черногории.

В том, что Петрович эту песню, как и некоторые другие, усвоил из книг, нет ничего необычного. И прежде, даже в XIX в., черногорские гуслеры охотно пользовались книжными источниками, в особенности популярными сборниками Петра Негоша «Огледало српско» (1845), Мирко Петровича «Јуначки споменик» (1864), Максима Шобанча «Освета косовска» (1879) и «Словенска слога» (1880)⁸. В песенной манере Петровича примечательно другое: текст песен из сочинений Марко Милянова, Петра Негоша и из других печатных изданий он воспроизводит довольно близко к подлиннику, и эти песни по облику оказываются более традиционными, нежели те, которые он воспринял у других гуслеров. В последних непременно соблюдается парная рифма, что и отличает новый импровизационный стиль гуслерского пения XX в.

Песенный репертуар М. Петровича очень разнообразен — наряду с древними эпическими сюжетами это и исторические песни XVIII—XIX вв., особенно песни о борьбе черногорцев с турками (самая любимая его песня — «Петар Бошкович и знаменосец Гарван»). Создает он и сам песни на новые сюжеты, о событиях послевоенного времени, поет песни других авторов (например, из сборника Р. Бећировића — Требишского «Нагоркиње», Никшић, 1969).

Пока Мишо Петрович пел одну за другой свои песни, во дворе появилось несколько человек, это, заслышав пение, пришли из села местные жители. Они молча рассаживались поодаль на камни и внимательно слушали Петровича. Их присутствие еще больше воодушевляло гуслера. В перерыве между песнями я задал ему несколько вопросов⁹.

— Скажите, пожалуйста, поете ли вы только для себя, или в компании, в семье, в кругу друзей?

— Пою на собраниях, в свободное время, в компании, для друзей.

— В каких случаях?

— В различных случаях.

— И многие ли слушают вас?

— Слушают, достаточно много людей.

— И как принимают ваши песни?

— Принимают прилично.

— Поете ли за деньги?

— Нет, бескорыстно!

В ответах, в интонациях голоса я уловил гордость молодого гуслера своей, как мы бы сказали, второй профессией, понимание общественной ценности пения гуслеров.

М. Петровича нельзя назвать прославленным певцом (хотя он и выступал на югославском смотре гуслеров 1971 г.), но он вполне удовлетворен тем, что хорошо известен и признан в родных местах.

В Боснии мне посчастливилось побывать на легендарной Романии — горном массиве, где когда-то скрывались отважные гайдуки, а позже партизаны. Жители романийских деревень в большинстве своем переселенцы из Черногории. Как сообщил мне в Сараеве академик Цветко Рихтман, местные гуслеры усвоили напевы черногорских эпических песен и только кое-где здесь еще сохранились более архаические босанские напевы.

На Романию я ездил в обществе сараевской фольклористки Д. Рихтман и двух ветеранов народно-освободительной войны — Т. Джукича и Дж. Вучевича. В их рассказах оживали героические события тридцатилетней давности: оба партизанили в этих местах. К западным склонам

⁸ См.: М. Мигко, Указ. раб., стр. 286—289, 297—300 и др.

⁹ Диалог записан на пленку, он велся на сербско-хорватском языке. Записи песен, произведенные от М. Петровича и других гуслеров, о которых речь пойдет далее, хранятся в кабинете фольклора Ленинградского института театра, музыки и кинематографии.

Романии ведет пустынная грунтовая дорога через Пусто Поле, Сумбуловац и Мокро. Не задерживаясь в селениях, мы поднялись на гору, напоминающую неприступную древнюю крепость своими отвесными скалистыми стенами, каждая из которых имеет в народе свое название — Красная, Черная, Орлиная, Джева... На одной из них всегда развевается алое знамя — символ вечной славы партизан, создавших здесь облетевшую затем всю Югославию песню:

Црвени се бајрак вије,
Он нам дошао из Русије.
На бајраку златно слово,
То је слово Лјениново.

Развевается алый стяг,
Он пришел к нам из России.
На стяге золотое слово,
То ленинское слово.

С вершины Романии открывается волнообразная гористая даль, и только на юге возвышается еще большая громада — заснеженная Яхорина. Леса и автомобильная дорога остались под нами, и мы пешком поднимаемся еще выше по травянистым склонам, где, как и весной, зацвели синие подснежники — «качуны».

Семидесятилетнего пастуха Янко Черемидича из села Мокро и его жену мы нашли на «катуне» — летнем горном пастбище с загонами для скота, огороженными еловыми жердями. И сейчас еще под охраной надежных псов здесь паслись овцы и коровы, позванивая колокольцами. День стоял холодный, и в «брвнаре» (бревенчатая однокамерная хижина), куда нас пригласили хозяева, топилась небольшая чугунная печурка. Падавший из единственного узкого окошка свет позволял рассмотреть скромную обстановку: грубую деревянную кровать, покрытую домотканым покрывалом, изрезанный стол и широкие скамьи вдоль двух стен. Под потолком висела керосиновая лампа, на стене — гусли и кое-какая мужская одежда — куртка и «кабаница» (темный суконный плащ).

Нам не нужно было долго уговаривать хозяина спеть свои песни, хотя, как он признался, ему не приходилось еще выступать перед незнакомыми людьми. Янко Черемидич не из тех гусяров, которые демонстрируют свое мастерство на фестивалях и конкурсах или напевают свои песни на пластинки. Не приходилось ему выступать даже в большом обществе в своем селе, в кафане или в клубе. И жена его подтвердила, что поет он только здесь, на пастбище, или дома — для себя и для гостей, когда кто-нибудь из друзей придет навестить их. Перед нами был тип скромного, не помышлявшего о славе сельского гусяра, для которого игра и пение были повседневным занятием в свободное от работы время, в домашнем быту.

Он снял со стены очень простые, без всяких украшений, яворовые гусли, сделанные в его родном селе, лишь «глава» (верхняя часть) весьма условно изображала примитивно вырезанную голову не то дикой козы, не то лани с некруто загнутыми рогами. «Карлица» (долбленный корпус) — типично босанская, продолговатая; шесть «рупиц» (отверстий) на коже ягненка расположены в форме креста (на дне карлицы — одна рупица): В гусях соблюдена классическая пропорция — длина карлицы точно соответствует длине «дршки» (шейки). «Длака» (струна) состоит из 40—50 конских волос, длина ее около 60 см, струна на «гудале» (смычок) тоньше и короче (около 40 см)¹⁰ (см. рис. 4).

¹⁰ Названия частей гуслей, приводимые мною, употреблялись Я. Черемидичем. В других частях Боснии и Герцеговины наряду с этими встречаются и другие наименования: для «карлицы» — «вярляча», «кашика», «кусало», «кутла», «кутлида», «чанак», «таслица», «струхе» (в переводе на русский язык «карлица» означает «корыто», остальные названия — различные типы ложек, чашек и мисок); для «дршки» — «држал», «држач» (от глагола держать), «дивчик», «репач» и др.; для «рупиц» — «гласнице». В «гудале» Черемидич различает «кривую» (изогнутую часть смычка) и «ручку». Другие части гуслей, не перечисленные мной в тексте: «завртањ» («клин») — колышек, на который накручивается верхний конец струны, и «пуце» («пуговица») — выдаю-

Рис. 3. Победители 1 послевоенного состязания гусяров Югославии (Сараево, ноябрь, 1971)

Перед тем как заиграть, Черемидич перевернул гусли вверх дном (с этой стороны сбоку наклеплена еловая смола), натер о смолу длаку на гудале, а затем уже натертым гудалом — длаку на гусях. Так он делает всякий раз, когда собирается играть.

Мы сидели на широких деревянных скамьях, поставленных вдоль стен, за простым столом и слушали пение Черемидича. Гостеприимная хозяйка принесла со двора из «кóлибы» (низкая, без окон хижина, где готовят и хранят молочные продукты) и поставила перед нами большую глиняную миску со свежим «каймаком» (створоженная сметана) и стаканы для ракии, вынула из высокого деревянного ларя белый хлеб.

Голос Черемидича звучит глухо, но интонации очень выразительны, поет, не глядя на нас, целиком отдавшись песне, наклонив слегка голову, как бы вслушиваясь в наигрыш гуслей, аккомпанирует тремя несогнутыми пальцами (я не раз наблюдал, что такая манера свойственна только старым гусярам). Свои песни он усвоил от других гусяров. Так, любимую свою песню о Старом Новаке он услышал однажды в 1917 г. подростком от своего односельчанина Джордже Петковича и с тех пор поет ее чаще, чем какую-либо другую. Песню эту любят слушать и его гости, поскольку Новак — герой местных преданий, подвиги его связывают с Романией (одна из ее скал — Новаков верх)¹¹. Вообще выяснилось, что репертуар Черемидича состоит в основном из гайдуцких песен. Знает он также песни о Марке Кралевиче и князе Милоше. Мы не стали слишком утомлять не привыкшего к публичным выступлениям старого

щаяся нижняя часть «карлицы», за которую прикрепляется нижний конец струны в виде петли («опута»). Струна поддерживается над кожаной декой специальной подставкой, которую Черемидич называет «кони» а в других местах Боснии и Герцеговины она называется также «конь», «кемян», «кобила», «кобилина». О других названиях в разных местах Югославии см. в книге: W. Wunsch, Geigentechnik der Südslawischen Guslaren, Brühl, 1934. См. также: Н. Шаулић, Указ. раб., стр. XV—XVIII; М. Мурко, Указ. раб., стр. 324—335.

¹¹ Прототипом эпического Старого (или Старины) Новака, вероятно, был гайдуцкий «харамбаш» (атаман) XVI в. Баба-Новак (см.: Томо Марећ, Naša narodna epika, Beograd, 1966, стр. 213, 214).

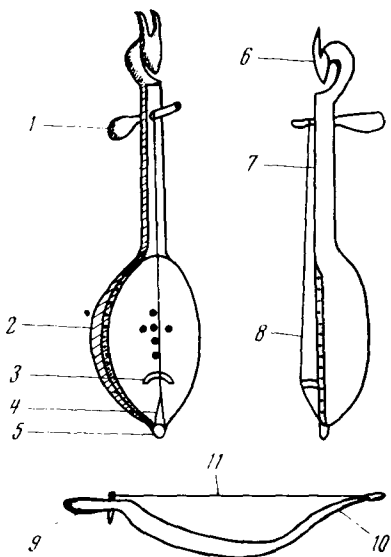
гусляра и, тепло простившись с ним и его женой (даже здесь, далеко от селений, нас не отпустили без чашечки традиционного крепкого кофе), покинули пастбище и спустились еловым лесом в долину...

Проходя улицей с. Сумбуловац, мы еще издали услышали звуки гуслей и чей-то сильный красивый голос. Мои спутники предположили, что где-то слушают радиопередачу из Сараева. Но когда мы пошли на звук и приблизились к сельской «продавнице», откуда он доносился, оказалось, что это поет местный сорокалетний гусляр Миловое Лопатич для небольшой компании, собравшейся у прилавка за бутылкой коньяка.

Это было для нас приятным сюрпризом, так как мы получили убедительное свидетельство еще живой, бытующей гуслярской традиции. В маленькой «продавнице» было слишком тесно, и все мы перешли в местную корчму, которая в это время дня была еще совсем пустой. Но стоило нам расположиться там, как просторное помещение тотчас же заполнилось до отказа крестьянами, рассеявшимися за большими — во всю длину корчмы — столами, на которых появились сыр и ракия.

Миловое Лопатич представляет собой уже совсем иной тип гусляра. Родился он в с. Еловци, на Романии, но живет в Сумбуловце. Одет по-городскому, белая сорочка повязана пестрым галстуком, на щеках — модные бачки. Гусли — новенькие, изукрашены резьбой, «глава» изображает поединок сокола со змеей, на «дршке» — портрет Негоша, а «завртань» (ручка) представляет собою копию... партизанской гранаты! Техника игры на гусях тоже иная, более свободная и виртуозная — четырьмя согнутыми пальцами.

Рис. 4. Гусли Янко Черемидича:
1 — завртань, 2 — карлица, 3 — конич, 4 — опута, 5 — пуце, 6 — глава, 7 — дршка, 8 — длака, 9 — ручка, 10 — кривуля, 11 — длака на гудале

Этот гусляр уже знает себе цену, играет с достоинством, держится прямо, молодецки, заметно, что он привык к публичным выступлениям. Он обводит глазами слушателей, следит за реакцией гостей. В репертуаре Лопатича не только услышанные от других гусляров песни, но и распетые тексты из книг. Знает он песню о пахоте Марка Краевича, о Поповиче из Ливна, и даже позднейшую знаменитую песню «Бой на Мишару», но чаще исполняет песни «средних времен» (о Сенянине, о старом Вуядине, о Джуре Сенковиче и аге из Рибника). Особенно же любимы певцом «борбени» — песни эпохи второй мировой войны. Это и местные партизанские песни, которые он исполнил нам без сопровождения на гусях вместе с братьями Вуковичами из села Синява (песни эти — двуступишия, отличаются широким тягучим распевом), это и «сједиалице» — более быстрые, озорные, шуточные песни, это и песни-хроники (в их числе эпическая песня, сочиненная Томо Джукичем, — «Восстание на Романии», которую Лопатич спел с особой охотой и с воодушевлением, кажется, не зная даже, что среди гостей присутствует ее автор). Все эпические песни исполняются на местный традиционный напев, и только «Восстание на Романии» — на мелодию, услышанную певцом где-то возле Сараева. Репертуар его очень разнообразен, он включает не только эпические и партизанские, но и сватовские песни, и «позиви чајо» — своеобразные речитативы организатора сельской свадьбы. Это, безус-

ловно, очень интересный и, вероятно, характерный тип современного сельского певца и гусляра среднего поколения.

Иово Лазаревич из с. Любогошт (1904 г. рожд.), по словам Томо Джукича, был когда-то лучшим певцом в округе. Живет он теперь с женой и младшим сыном в маленьком домике, приютившемся у самой дороги. Единственное помещение этого домика — и спальня, и столовая, и кухня — поражает сочетанием старины и новизны; потемневшие иконы и фотографии в ювелирных рамках соседствуют в красном углу, изрядно истертые грубые скамьи приставлены к сияющему лаком столу... Сам Иово Лазаревич собирался отдыхать, когда мы вошли, но тотчас же оживился, узнав, что мы хотим послушать его песни. И тут же, не одеваясь, сидя на старой деревянной кровати, свесив босые ноги, принимался налаживать гусли и петь песни одну за другой, обильно пересыпая их шутками и прибаутками. Гусли ему подарил знакомый черногорец в знак благодарности за искусное пение, на них вырезана дата «1957 год» и надпись «Јуначки разговори», глава — искусно вырезанная голова дикой козы. Натирает струны Лазаревич канифолью и играет, как и Черемидич, тремя несогнутыми пальцами. Но во всем остальном он совсем не похож на гусляра-пастуха. Это человек бывалый. Перенял песни он от отца-гусляра, который сделал ему первые гусельки из ивы. Начал учиться играть в 12 лет, а в 14 уже выступал перед людьми, ходил из села в село, зарабатывая на хлеб, пел в кафанах. Знает песни о Марке Кралевиче (в частности, «Марко Кралевич и Джемо Брджанин»), даже редко встречающуюся песню о князе Милутине. Он признался, что заучил эту песню из «песнарицы», которая хранится у него на чердаке. Тут же выяснилось, что речь идет о старой хрестоматии для VIII класса, но песни в ней не оказалось — то ли память подвела старого гусляра, то ли он захотел прослыть перед нами ученым человеком, книжником. В отличие от серьезного, тихого своего сверстника Черемидича, Иово Лазаревич не смог вспомнить ни одной гайдуцкой песни и все время охотно переходил от старых эпических песен к песням озорным, веселым, «шаливым», типа «Мене мајка једногима...». И, наконец, этот «веселяк» и балагур, то и дело потягивая ракию, совсем отложил гусли в сторону, хитро прищулив черные глаза, озорно отказался петь и, казалось, охотнее поехал бы с нами на машине в Сараево, чтобы беззаботно провести вечер в какой-нибудь городской кафане. Это совершенно особенный тип гусляра, чем-то напominвший мне тех веселых скоморохов, о которых рассказывают русские былины. Чувствуется, что песни и гусли для него — не собеседники в тихий час отдыха и раздумий наедине с собой и не слуги в ремесле, а веселые спутники в дороге, с которыми он может и расстаться ради другой, более веселой компании, ради веселой беседы, пляски и вина...

М. Мурко писал, что в Боснии эпические песни лучше всего сохранились «в горных краях, особенно на Гласинце (Соколац) и на Романи»¹². Но, как ни удивительно, среди многочисленных певцов, которых он называет и чей репертуар описывает в своей книге, нет ни одного романийского гусляра! Видимо, на самой Романи чешскому исследователю не удалось побывать. Наши наблюдения и собранные материалы могут служить иллюстрацией современного состояния местной гуслярской традиции.

Н. Шаулич в свое время горячо протестовал против «предрассудка», будто в народной энике «все изучено, все записано и все сказано», и призывал исследовать песню гусляров «в жизни..., в народе»¹³. После Н. Шаулича многое сделано в этом направлении, но думается, возможности исследования живой гуслярской традиции еще далеко не исчерпаны.

¹² М. Мурко, Указ. раб., стр. 41.

¹³ Н. Шаулич, Указ. раб., стр. XXI.